

УДК 94(470+571)''17/1917''

ББК 63.3(2)53-7

**РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: ОЧЕРКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.
КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА. Т. 1.
ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА. – М. :
ИЗД-ВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2011. – 880 с.**

Страхова Наталья Петровна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России

Волгоградского государственного университета

kvolguhist@inbox.ru

проспект Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российской Федерации

Аннотация. В рецензии анализируется системно-функциональный подход, примененный авторским коллективом к изучению русской культуры. Дается высокая оценка результатам исследования общественно-культурной среды рубежа XIX–XX веков.

Ключевые слова: русская культура, рубеж веков, общественно-культурная среда, город, деревня, усадьба, научное значение.

К рецензированию трудов, вышедших из-под пера заведующей лабораторией истории русской культуры исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктора исторических наук Лидии Васильевны Кошман и ее единомышленников, я обращаюсь не в первый раз, неизменно подчеркивая огромный вклад авторов в исследование отечественной культуры [6; 7]. То же самое можно сказать и о ставшем предметом рассмотрения в данной рецензии первом томе «Очерков русской культуры. Конец XIX – начало XX века», который имеет подзаголовок «Общественно-культурная среда». Во введении Л.В. Кошман констатирует,

что данное издание является «органическим продолжением» шеститомной серии «Очерков русской культуры XIX века». В силу такой преемственности в новой публикации сохраняется «проблемно-очерковая структура отдельных томов, обращение к сюжетам, рассматривавшимся на материалах XIX в.» (с. 9). Таким образом, здесь получает свое дальнейшее развитие концепция, которую в какой-то мере можно считать новаторской. *Но суть концепции в рецензируемом томе подробно не излагается (авторы отсылают читателя к предыдущей серии «Очерков»).* Поэтому представляется целесообразным обратиться к предшествующим публикациям.

На протяжении нескольких десятилетий лаборатория истории русской культуры исторического факультета МГУ выпускает «Очерки русской культуры». Сфера культуры, по мнению их авторов, должна охватывать гораздо более широкий круг тем по сравнению с традиционными учебниками. Уже «Очерки русской культуры XVIII века» включали материал о культуре промышленного и сельскохозяйственного производства, о городском образе жизни, о культуре дворянской усадьбы и т. п. Так же широко трактовалась проблема в учебном пособии по истории русской культуры IX–XX вв. под редакцией Л.В. Кошман, неоднократно переиздавшемся (последний раз – в 2009 г.). Здесь впервые этот новый подход к изучению явлений культуры был обозначен поначалу как «историко-функциональный» [9, с. 4], а затем – как «системно-функциональный» [2, с. 9].

Более обстоятельно данный подход был охарактеризован в новой шеститомной серии «Очерки русской культуры XIX века». В написанном Л.В. Кошман введении к первому тому подчеркивалось: «Интеграционный, или системно-функциональный, подход позволяет рассматривать сферу культурной жизни как процесс, в котором при всей важности “культурных вершин” не только их производство, но и распределение, потребление культурных ценностей приобретают социально-важное значение, представляя культурно-творческий аспект общественной жизни» [4, с. 6]. «Одним из аспектов системно-функционального подхода к культуре, – читаем далее, – является изучение общественно-культурной среды, или культурного пространства <...>. Общественно-культурная среда включает совокупность факторов, которые определяют наполненность и многообразие сферы духовной жизни общества, его интеллектуально-нравственный и социально-активный потенциал. Важным системообразующим фактором культурной среды является механизм функционирования культуры, к которому относится система образования и культурно-просветительных учреждений, книга, периодика, культурно-информационная система как средство распространения знаний» [там же, с. 7]. Здесь же названы социокультурные пласты, в которых существова-

ла и функционировала культура. Это – город, деревня, усадьба, составляющие во взаимодействии культурное пространство. Соглашаясь с мнением некоторых исследователей о том, что Россия и в начале XX в. оставалась «страной двух цивилизаций – европейски-городской и традиционно-деревенской» [там же, с. 8], Л.В. Кошман отводит городу наиболее важную роль в становлении и развитии культурной среды. Заострялось внимание и на «двустиличности», придававшей культурному пространству России своеобразную специфику [там же, с. 9].

Столь подробные цитаты из первого тома «Очерков русской культуры XIX века», имеющего подзаголовок «Общественно-культурная среда», были необходимы для понимания концепции новой серии «Очерков русской культуры. Конец XIX – начало XX века», первый том которой называется так же. К анализу данного тома мы, наконец, переходим.

Во введении (Л.В. Кошман) уточняется содержание понятия «общественно-культурная среда» применительно к рубежу XIX–XX веков: на первый план здесь выводится *культура повседневности*. Оглавление тома позволяет отчетливо представить, каковы составляющие «общественно-культурной среды» (в книге три больших раздела: «Город», «Деревня», «Усадьба»).

То, что сделано, свидетельствует о научной добросовестности и компетентности авторского коллектива. Достоинством книги являются многочисленные ссылки в подстрочнике, причем, не только на исследования предшественников, но, хотя и в меньшей степени, – на архивные и опубликованные источники (отчеты министерств, периодика, переписка, мемуары, художественная литература, публицистика, статистические обзоры). Ориентироваться в томе помогает указатель имен. Хорошо обильно представленный в каждом из очерков изобразительный материал, прежде всего, удачно вписавшиеся в текст повествования почтовые открытки того времени с видами городов, фото того времени. Учтена даже серия футуристических открыток «Москва в будущем» Товарищества Эйнем с изображениями города будущего.

В книге наиболее ярко и подробно, что вполне оправдано, представлен *город*. Раздел под таким названием, содержащий 8 очерков, открывается очерком Л.В. Кошман «Город на рубеже столетий: лаборатория и хранитель культуры». Автора интересует общая картина городской жизни, а именно: демография и социальная многоликость города, грамотность и образование горожан, инфраструктура городского хозяйства, санитарно-профилактическая служба, медицинская помощь, транспорт, электричество, телефон, городской бюджет, театр, музеи, библиотеки, особенности культурной среды провинциального города. Л.В. Кошман подчеркивает, что несмотря на приоритетность административной функции, город рубежа столетий «оставался центром культурной жизни, прежде всего очагом новационной, креативной культуры» (там же, с. 77). Здесь же констатируется отсутствие интереса к общественно-политическим проблемам, характерное для большинства представителей творческой интеллигенции. В следующих статьях многие из сюжетов развиваются и конкретизируются другими исследователями.

Чем выше уровень образованности общества, тем совершеннее механизм функционирования культуры, тем осмысленнее диалог между творцом художественного произведения и его адресатом – читателем, слушателем, зрителем. Поэтому не случайно одной из центральных тем «Очерков» является система общеобразовательной и профессиональной школы. *Впервые предпринята попытка показать отдельно друг от друга состояние и развитие школы в городе и на селе*. В рассматриваемом разделе образованию посвящены два очерка – «Школа в городе» и «Высшая школа. Университет в культурном пространстве города». Автор первого очерка Е.К. Сысоева признает, что за 35 лет, прошедших с момента отмены в России крепостного права, в сфере образования произошли значительные изменения в положительную сторону (с. 86). И все же в изучаемый период проблема создания единой системы общеобразовательной школы так и не была решена (с. 155–156). Такой вывод был сделан на основе анализа деятельности начальной и средней школы, ком-

мерческих учебных заведений, профессиональных училищ.

А.Е. Иванов, автор очерка о высшей школе, уделяет внимание как государственным, так и негосударственным («вольным») учебным заведениям, народным университетам, женскому образованию. Он утверждает, что фактически все высшее образование в области музыкального, театрального искусства и искусствознания было сосредоточено в неправительственной высшей школе (с. 179). С особым интересом читаются страницы о профессуре и студенчестве (о студенческих землячествах, в частности), о содержании учебного процесса в университетах (с. 152–221). Рассматривая высшие учебные заведения, и в первую очередь университеты, как главную достопримечательность «городского культурного ландшафта» (с. 226), автор подчеркивает, что в глазах горожан они представляли как «средоточие русского интеллектуализма», как «сгустки молодой интеллигенции», как «совокупность плодов высокой цивилизации» (с. 227).

Книга оставалась в начале XX в. главным средством удовлетворения тяги к культуре широких слоев населения (с. 230). Констатируя это, О.В. Андреева в очерке о книжном деле подробно исследует различные аспекты проблемы. Ее интересуют социальный состав потребителей книги, личности книгоиздателей, книжная торговля в городе и деревне, профессиональные объединения деятелей книги, библиофильские сообщества, политическая составляющая книгоиздания, а также структура и материальная база книгоиздательской сети. Особо выделены издательства, связанные с литературно-художественными течениями. Так, издательство «Скорпион» «стало цитаделью русских символистов» (с. 246). Подробно рассматривается деятельность и других символистских издательств, таких как «Мусагет», «Сирин» и др. Подчеркнув, что «изучение русского футуризма как литературно-культурного явления невозможно вне контекста книжности» (с. 251), автор уделяет значительное внимание особенностям футуристической книги. Как «новый культурно-политический феномен» (с. 263) исследуются партийное книгоиздание и книжная торговля. Наряду с массовой книгой (низшего и

среднего уровня полиграфического исполнения) анализируется книга элитарная как по форме, так и по содержанию. Но в целом, подводит итог О.В. Андреева, «результатирующим вектором развития книги рубежа веков можно считать демократизацию книжной торговли» (с. 286).

С подобным заключением перекликаются выводы автора очерка *«Периодика» Л.Д. Дергачевой* об усилении влияния периодической печати (фактически единственного современного средства массовой информации) на широкие слои населения. В статье уделено внимание личностям журналистов, столичной и региональной периодической печати, роли прессы в культурном просвещении и распространении знаний, в развитии науки и культуры.

Следующие три очерка – «Общественный быт. Культура повседневности» (Е.В. Долгих); «Горожанин в частной жизни» (В.В. Пономарева); «Досуг и развлечения. Зарождение массовой культуры» (Г.Н. Ульянова) – содержат яркий материал, который просто не мог появиться в очерках о XIX веке. Само качество жизни становилось иным. Спорт, оздоровительные мероприятия, яхт-клубы, увлечение воздухоплаванием, гимнастические общества, футбол, кинематограф, искусство эстрады и т. д. – все это или вовсе отсутствовало в прошлом веке, или же пребывало в зародышевом состоянии. Эта «новая “современная” повседневность российских городов, – утверждает Е.В. Долгих, – начинается в 1890-е гг.» (с. 341). Выявляя различия и сходство между столицами и провинцией в организации городского пространства и времени, автор предпринимает попытку выяснить, «что такое сами понятия “столица” и “провинция” применительно к эпохе железных дорог, телеграфа и телефона?» (с. 342).

Г.Н. Ульянова **впервые в историографии вводит понятие массовой культуры применительно к данной эпохе и весьма обстоятельно исследует эту проблему.** Массовая культура характеризуется, прежде всего, «унификацией потребляемой “культурной продукции”, клишированностью реакций публики на предложенные зрелища» (с. 457). Значительное место в очерке отведено народным гуляниям, цирковым представлениям, эстрадным певцам и куплетистам. Особо сто-

ит отметить глубокий анализ *кинематографа* и как новой формы досуга и как нового вида искусства (с. 508–525).

Но вызывает вопросы сходство некоторых сюжетов в этих двух очерках. К примеру, оба автора, правда, на разных источниках, исследуют спорт (и как досуг и как зрелище), туризм и оздоровительные мероприятия (с. 400–410; 470–481). Не случайно Е.В. Долгих начинает свою статью с утверждения, что «повседневность – сюжет насколько понятный, настолько и неуловимый» (с. 340). Пусть разница и не очень заметна, все же стоило объяснить читателю, чем отличается общественный быт от массового досуга.

Очерк В.В. Пономаревой о горожанах в основном соответствует своему названию. Подчеркнув, что частная жизнь жителей малых городов мало чем отличалась от деревенской (с. 416), автор акцентирует внимание на быте жителей *крупных* городов (подробно описываются жилищные условия, распорядок дня, рацион, одежда различных социальных групп).

В целом все без исключения статьи о городе производят весьма благоприятное впечатление, поскольку в них талантливо проанализированы новые явления и вскрыты противоречия в жизни города (констатируется, например, «кризис диалога», разрыв традиционных связей интеллигенции и массовой аудитории). В данном разделе представлены имеющие научное значение сведения, на основе которых авторам удалось доказать, что город в России рубежа столетий был важнейшей составляющей общественно-культурной среды. И все же нельзя не сказать об одной существенной потере по сравнению с предыдущей серией: об отсутствии *специального* очерка о культурной среде *столичного* города. Между тем, анализ этой среды позволил бы понять, почему «Мир искусства» возникает в Петербурге и почему именно атмосфера Москвы способствовала возникновению и становлению русского авангарда (о чем в свое время писал Г.Г. Поспелов [5]). Впрочем, справедливости ради необходимо отметить, что материал о столицах присутствует практически в каждом из рассмотренных очерков. Но он как-то теряется на общем фоне.

Весьма важен для характеристики общественно-культурной среды и раздел «*Древня*», поскольку, как верно отмечает автор очерка «Крестьянский мир. Общественный быт» Л.И. Земцов, преобладание в населении России крестьянства в известной степени определяло особенности развития культуры в стране (с. 529). Крестьянский мир в целом, независимо от бюрократического его значения, выступал как транслятор духовных ценностей (с. 549). Архаичное написание слова «мир», как и ссылка на словарь В.И. Даля, очевидно, имеют для автора концептуальное значение. «"Мир" (мир) и "община", – читаем в тексте, – не только административный и земельно-хозяйственный институты соответственно, они представляли собой и культурные и аксиологические феномены» (с. 547). Названные феномены Л.И. Земцов подвергает всестороннему анализу. Он подчеркивает, что ценности народной духовной культуры, носителями которых было крестьянство и мещанская часть населения города, хотя и менялись под воздействием духа времени, но «сохраняли основу – ментальное, национально-традиционное и религиозно-православное начала» (с. 619).

С.А. Есиков в очерке «Агрокультура. Традиции и новации» заостряет внимание на производстве зерна, утверждая, что «приверженность российского крестьянства зерновой специализации была связана с его стремлением к достижению гарантированного уровня продовольственного запаса» (с. 621). В статье исследуются агротехнические характеристики сельскохозяйственного производства, проблемы сельскохозяйственного образования и просвещения, агрономическая служба, кооперативные товарищества как новое явление для крестьянской России.

В очерке «Сельская школа» (Е.К. Сысоева) рассматриваются типы сельских школ, анализируются отношение крестьян к образованию и положение сельских учителей. Некоторые выводы автора звучат весьма злободневно. Как, например, не согласиться с таким утверждением: «По-видимому, важен не только строй общественной жизни, но способность людей, возглавляю-

щих ведомство народного образования, адекватно реагировать на запросы современности» (с. 728)!

Широчайшую панораму художественных промыслов и ремесел представила в своей статье Н.Н. Мамонтова. Один только их перечень занял бы почти страницу. Ее очерк содержит сведения о резьбе по бересте и по кости, о плетении мебели, о росписи по дереву и по металлу, о лаковой миниатюре, о чисто женских ремеслах (таких как ткачество, вышивка, вязание, кружевоплетение и т. д.) и о многом другом. Уделяется внимание художественному меценатству, кустарным музеям, роли усадьбы (например, абрамцевских и талашкинских мастерских) в развитии декоративно-прикладного искусства. Признавая важнейшей особенностью художественных ремесел и промыслов прочную связь с местной культурой различных регионов России, Н.Н. Мамонтова замечает, что в крупнейших промыслах «происходило смешение локальных традиций с разнообразными влияниями городской культуры» (с. 735).

В отличие от первого и второго разделов, последний состоит всего из одного очерка – «*Русская усадьба рубежа XIX–XX вв.*» (Л.А. Перфильева). Излишняя лаконичность не позволила автору осветить все аспекты проблемы с желательной полнотой. Например, «искусству здоровой благотворительности», роли усадьбы как культурно-просветительного центра отведено чуть более одной страницы (с. 818–820). И все же очерк привлекает внимание и богатством фактического материала и концептуально значимыми выводами. Автору удалось представить усадьбу как феномен русской культуры и важный элемент социокультурного пространства. В статье опровергается сформировавшееся под влиянием литературной традиции мнение об обреченности русской усадебной культуры (с. 803). Вплоть до 1917 г., утверждает Л.А. Перфильева, в России сохранялись десятки тысяч частновладельческих имений, но уже не только дворянских, а и купеческих, разночинских. Наряду с усадьбами в культурные очаги превращались дачи. Подчеркнув значение «пейзажной части» усадьбы для эстетики Серебряного века, автор об-

ращает внимание на «аксаковский пейзаж» Абрамцева, на естественность природного окружения в Талашкине. Но жаль, что при этом не упоминается киммерийский ландшафт, так много значивший для Максимилиана Волошина и его многочисленных гостей. Ведь дом поэта в Коктебеле стал своеобразной культурной Меккой для поэтов и художников Серебряного века.

Впрочем, не совсем корректно порицать авторов за отсутствие в их статьях каких-либо фактов или выводов, поскольку жанровые особенности очерка и многообразие исследуемых сюжетов не располагают к глубокому и всеобъемлющему освещению темы. Все же осмелюсь высказать еще несколько замечаний.

По мнению рецензента, следовало заострить внимание на особенностях избранного «расширительного» подхода к изучению явлений культуры: концепция тома нуждается в дополнительном объяснении. Читая, например, очерк об агрокультуре, восхищаешься собранным материалом, глубиной анализа. А в душу закрадывается сомнение в правомерности столь широкого подхода к изучению культуры. И непросто определить, где пролегает эта неуловимая грань между историей культуры и социально-экономической историей. То же касается соотношения понятий «быт» и «культура» (совершенно очевидно, что это не синонимы). Нелишними были бы рассуждения и на данную тему.

Также необходимо было объяснить, чем избранный подход отличается от методологии П.Н. Милюкова, с труда которого, как известно, начинается историография истории отечественной культуры. «Очерки по истории русской культуры» П.Н. Милюкова до сих пор производят ошеломляющее впечатление на читателя. Не коллектив авторов, а один человек создал произведение, которое, например, М.М. Карпович назвал «явлением редким не только в русской, но и во всеобщей историографии» [3, с. 28]. Он же утверждал: «Другой подобной работы, в которой объединялись бы материальные основы русской культуры (география, демография, экономический, социальный и государственный строй), культура в более точном смысле сло-

ва (религия, литература, искусство, школа) и рост общественного сознания, не существует» [там же, с. 208]. С появлением двух новых серий «Очерков», о которых здесь шла речь, данное утверждение утрачивает свою актуальность. Но ведь роднит эти отстоящие друг от друга во времени труды не только связь с Московским университетом, а и действительно, беспрецедентно широкий подход к проблемам истории культуры.

Хотя историографический очерк в задачи тома не входил, стоило все же упомянуть еще об одном исследовании – о книге профессора Московского университета С.С. Дмитриева «Очерки истории русской культуры начала XX века», поскольку это была первая (и довольно успешная) попытка установить взаимосвязь отдельных отраслей культуры «через все факты, через все явления и процессы глубинных социальных, классовых сил, проявившихся в культурной жизни русской нации предреволюционного времени» [1, с. 6]. В книге 8 очерков. Самый первый носит обобщающий характер и содержит анализ идейно-политической жизни, в контексте которой развивалась культура. Причем, народные массы интересовали историка не только как объект воздействия, но и как действующее лицо культурно-исторического процесса. В остальных очерках ученый дал широкую панораму культурной жизни России на рубеже веков, уделив внимание не только традиционным сюжетам (литературе, театру, кино, музыке, живописи, архитектуре, скульптуре), но и посвятив специальные статьи просвещению и образованию, книжному делу и печати, а также – науке.

Таким образом, труды П.Н. Милюкова и С.С. Дмитриева в какой-то мере близки новой серии «Очерков» и по замыслу и по широте охвата материала. Вот почему, полагаю, они заслуживают пристального внимания исследователей отечественной культуры. Но, к сожалению, в рецензируемом томе мы не найдем ни одной ссылки на книгу С.С. Дмитриева.

Следующее замечание касается термина «Серебряный век». Его отсутствие в названии «Очерков» для Л.В. Кошман имеет концептуальное значение, поскольку, как объясняется во введении, он «не лишен не-

которых черт условности и не раскрывает всей полноты историко-культурного процесса этого времени» (с. 8). Такую точку зрения можно принять. С.С. Дмитриев, например, тоже не использовал в своей книге данный термин. Но для большинства исследователей, которые со столь красивым названием эпохи расставаться не желают, вполне понятна его условность. Они просто отдают дань традиции (и я – на их стороне). Создается впечатление, что так же думают и некоторые авторы рецензируемого тома, поскольку применяют термин «Серебряный век» в весьма широком смысле. В подтверждение можно привести очерки Л.Д. Дергачевой (с. 307), Г.Н. Ульяновой (с. 525), Л.А. Перфильевой (с. 843).

Во введении сообщается, что впервые термин «Серебряный век» использовал В.В. Розанов для характеристики послепушкинского периода отечественной литературы и что по отношению к культуре рубежа веков это название встречается у С.К. Маковского и Н.А. Оцуца (с. 8). Как известно, традиция обращения к «металлургической терминологии» в оценках литературных достижений восходит к античности. Омри Ронен, на книгу которого здесь же приводится не совсем понятная ссылка, подробно исследовал вопрос о том, кто первым применил данную терминологию к русской литературе и кто именно назвал Серебряным веком рубеж XIX–XX веков. Солидаризируясь с некоторыми своими зарубежными коллегами, О. Ронен подверг сомнению *качественную* характеристику русской поэзии рубежа веков и предложил считать данную эпоху Платиновым веком (как известно, платина ценится выше серебра и золота) [8, с. 123]. Можно по-разному относиться к подобным предложениям (на мой взгляд, вряд ли нужно что-то менять). Но наверное, обо всем этом стоило сообщить читателю или же вовсе не упоминать книгу Ронена.

Высказанные претензии следует рассматривать лишь как пожелания, как повод для дискуссии. Общего благоприятного впечатления от рецензируемого тома они не снижают. Как уже отмечалось, авторы могут резонно возразить, что в их задачи историографический обзор не входил и что

жанр очерка не предполагает всестороннего анализа избранной темы.

В конечном итоге нельзя не восхититься тем, какая полифоничная картина предстает перед нами! Как много интересных фактов нам сообщается! Насколько более понятным при таком освещении общественно-культурной среды становится диалог между создателем произведения искусства и его «потребителем»! Как отчетливо представлено взаимодействие и взаимовлияние ученой (профессиональной) и профанной (народной) культур! Отрадно, что все авторы рассматривают свои сюжеты на широком историческом фоне, в контексте сложной эпохи, отмечая перемены, вызванные Первой мировой войной. *Одним словом, преимущества системно-функционального подхода к изучению явлений культуры продемонстрированы весьма наглядно (в этом и заключается новизна проекта).*

Каждый из исследователей может гордиться своим участием в столь грандиозном начинании, имеющем бесспорную научную ценность. Но особо необходимо отметить роль Лидии Васильевны Кошман как автора идеи и руководителя проекта. Ведь совсем непросто собрать столь большой коллектив единомышленников (из МГУ, из научных учреждений и вузов Москвы и других городов) и найти возможности для публикации данного беспрецедентного труда. Несомненно, новая серия «Очерков» будет так же востребована, как и предыдущая. Совсем недавно появился второй том под названием «Власть. Общество. Культура». Читатель с нетерпением ждет выхода в свет третьего тома, который посвящен художественной жизни России на рубеже XIX–XX веков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитриев, С. С. Очерки истории русской культуры начала XX века : кн. для учителя / С. С. Дмитриев. – М. : Просвещение, 1985. – 256 с. : илл.
2. История русской культуры IX–XX вв. : пособие для вузов / В. С. Шульгин, Л. В. Кошман, Е. К. Сысоева, М. Р. Зезина ; под ред. Л. В. Кошман. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Дрофа, 2002. – 480 с.

3. Милуков, П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. / П. Н. Милуков. – Т. 1. – М.: Прогресс, 1993. – 528 с.

4. Очерки русской культуры XIX века. – Т. 1: Общественно-культурная среда. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 384 с.

5. Поспелов, Г. Г. «Бубновый валет»: Примитив и городской фольклор в московской живописи 1910-х годов / Г. Г. Поспелов. – М.: Советский художник, 1990. – 272 с.: илл.

6. [Рецензия] / Н. П. Страхова // Вестник ВолГУ. – Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2009. – № 2 (16). – С. 167–171. – Рец. на кн.: Кошман, Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты / Л. В. Кошман. – М.: РОССПЭН, 2008. – 448 с.: илл.

7. [Рецензия] / Н. П. Страхова // Вопросы истории. – 2003. – № 11. – С. 161–163. – Рец. на кн.: История русской культуры IX–XX вв. – М.: Дрофа, 2002. – 480 с.

8. Ронен, О. Серебряный век как умысел и вымысел: пер. с англ. / О. Ронен. – М.: ОГИ, 2000. – 152 с.

9. Шульгин, В. С. Культура России: IX–XX вв.: учеб. пособие / В. С. Шульгин, Л. В. Кошман, М. Р. Зезина. – М.: Простор, 1996. – 390 с.

grant for higher education institutions]. Moscow, Drofa Publ., 2002. 480 p.

3. Miliukov P.N. *Ocherki po istorii russkoi kul'tury: v 3 t.* [Sketches on the history of the Russian culture: in 3 v.] Vol. 1. Moscow, Progress Publ., 1993. 528 p.

4. *Ocherki russkoi kul'tury XIX veka. T. 1. Obshchestvenno-kul'turnaia sreda* [Sketches of the Russian culture of the XIX century. Vol. 1. Public and cultural environment]. Moscow, Moscow University Publ., 1998. 384 p.

5. Pospelov G.G. *"Bubnovyi valet": Primitiv i gorodskoi fol'klor v moskovskoi zhivopisi 1910-kh godov* ["Jack of diamonds": Primitive and city folklore in the Moscow painting of the 1910s]. Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., 1990. 272 p.

6. Strakhova N.P. [Review] *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 4, Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Science journal of Volgograd State University. Series Issue 4, History. Area Studies. International relations], 2009, no. 2 (16), pp. 167-171. Rew. op.: Koshman L.V. *Gorod i gorodskaia zhizn' v Rossii XIX stoletii: social'nye i kul'turnye aspekty* [Gorod and city life in Russia the XIX century: social and cultural aspects], Moscow, ROSSPEN Publ., 2008.

7. Strakhova N.P. [Review] *Voprosy istorii* [History Questions], 2003, no. 11, pp. 161-163. Rew. op.: *Istoriia russkoi kul'tury IX-XX vv.* [History of the Russian culture of the IX-XX centuries], Moscow, Drofa Publ., 2002.

8. Ronen O. *Serebrianyi vek kak umysel i vymysel* [Silver Age as intention and fiction]. Moscow, OGI Publ., 2000. 152 p.

9. Shul'gin V.S., Koshman L.V., Zezina M.R. *Kul'tura Rossii: IX-XX vv.: uchebnoe posobie* [Culture of Russia: The IX-XX centuries: manual]. Moscow, Prostor Publ., 1996. 390 p.

REFERENCES

1. Dmitriev S.S. *Ocherki istorii russkoi kul'tury nachala XX veka* [Sketches of history of the Russian culture of the beginning of the XX century]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1985. 256 p.

2. Shul'gin V.S., Koshman L.V., Sysoeva E.K., Zezina M.R. *Istoriia russkoi kul'tury IX-XX vv.* [History of the Russian culture of the IX-XX centuries:

**REVIEW: SKETCHBOOK OF THE RUSSIAN CULTURE.
A TURN OF THE XIX – XX CENTURIES. VOL. 1.
THE PUBLIC AND CULTURAL ENVIRONMENT. – М. :
MOSCOW UNIVERSITY, 2011. – 880 p.**

Strakhova Natalia Petrovna

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History of Russian,
Volgograd State University
kvolguhist@inbox.ru
Prospect Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The review examines the integration of system or system-functional approach applied to the study of Russian culture by a team. With this approach, the object of study is the mechanism of culture functioning. This mechanism is represented by the education system, cultural and educational institutions, books, periodicals and cultural information system. They are the means of dissemination of knowledge.

The introduction clarifies the concept of “socio-cultural” in relation to the turn of XIX–XX centuries: in the foreground culture of everyday life is derived. There are three large sections in the book: “City”, “Village”, “Manor”. These so-called socio-cultural formations constitute the cultural space in interaction. City is described most clearly and in detail in the book, because, according to the authors, despite the priority of the administrative function it remained at the turn of the century as a cultural center, as a hotbed of creative culture.

For the first time in the historiography there are attempts to show separately the state and development of the school in the city and in the countryside. For the first time the author introduced the concept of mass culture applied to that era. He gave a little analysis of cinema as a new form of entertainment, and a new art form. It was very important to characterize the socio-cultural environment of the village because the prevalence of peasantry in the Russian population determines, to a certain extent, the characteristics of the development of culture in the country. In contrast to the first and second sections, the latter consists of only one essay. Despite the excessive brevity, the author was able to present his Russian estate as a phenomenon of Russian culture.

In general, peer-reviewed publication has a tremendous scientific value.

Key words: Russian culture, turn of centuries, public and cultural environment, city, village, estate, scientific value.